

Галина КОРНИЛОВА

ДВА РАССКАЗА

ЛЕДИ МАКБЕТ АЛЕКСАНДРОВСКОГО УЕЗДА

«Иной раз в наших местах задаются такие характеры, что как бы много лет ни прошло со встречи с ними, о некоторых из них никогда не вспомнить без душевного трепета».

Н. Лесков, «Леди Макбет Мценского уезда»

«Наши места», о которых упоминает русский классик, это, надо понимать, вся Россия целиком. Потому что в какие бы стороны ни занесла тебя судьба, дальние ли от центра, или поближе к нему, ты рано или поздно непременно столкнешься лицом к лицу именно с таким характером. И потом уже, по прошествии некоторого времени, трудно будет даже вспомнить: от чего именно ощутил ты «душевный трепет» – от страха ли, изумления, или же – невыносимого отвращения.

Я ничуть не сомневаюсь и в том, что и здесь, в столице нашей родины, встречаются в немалом количестве персонажи, описанные в свое время Лесковым. Да и как же им тут не оказаться среди неисчислимого, громадного населения!

Но вот ведь что удивительно, вот что поразило меня самую больше всего: в нашей, затерянной среди лесов и полей деревушке с единственной улицей, равной длине какого-нибудь среднего столичного переулочка, также вдруг объявился тот самый зловещий и легко узнаваемый женский характер. Да к тому же не где-то на деревенской окраине, а в самой непосредственной близости от нас, проще сказать – в соседнем, стоящем против нас доме.

...Между прочим, я вполне могу предположить, что с первого взгляда она вам может даже понравиться: бойкая белорукая и белоногая бабенка с круглым розовым лицом и русыми, зачесанными назад, волосами. Пухлые ее губы как бы всегда готовы сложиться в чуть подобострастную улыбочку. А ее глаза... Вот как раз глаза моей соседки описать труднее всего. Из-за ее странной привычки не смотреть прямо в лицо собеседника. Только в первую секунду покажется вам, что вы встречаетесь с нею взглядом, но тут же этот прозрачный взгляд плывет куда-то мимо тебя, проливается где-то в стороне, словно вода из неловко наклоненной посуды.

Наше с нею знакомство началось с того, что соседка, перейдя улицу и растворив калитку, спросила, нет ли у нас для нее какой-никакой работы. Работы на нашем большом, довольно запущенном участке было хоть отбавляй. Мы поручили в тот день Зинаиде вскопать поляну перед домом в надежде превратить ее потом в красивый газон. На ловкость, с какой соседка принялась за работу, приятно было смотреть. Тяжелая лопата так и ходила в ее сильных руках. Однако то ли вспашка была недостаточно глубокой, то ли мы сами оказались никудышными хозяевами, но только к следующей весне вместе с хилой газонной травой на перекопанном участке возшло несметное количество чудовищной величины сорняков.

У нашей белотелой и пухлогубой соседки имелся муж – долговязый мрачно-важный и молчаливый тракторист Виктор. Целыми днями по весне и осени его выдававший виды трактор тарыхтел в окрестных полях: то утробно завывал возле самой деревни, то глухой его рокот доносился откуда-то издалека, от самой опушки леса.

Однажды сломалась наша собственная машина, и сосед-тракторист без всякого зова пришел к нам на участок и в очень короткое время привел корейское чудо в порядок.

Таким образом, мы вроде бы должны были быть довольными нашими работящими и услужливыми соседями. Единственное, что порой мешало нам самим работать, это довольно шумные гости, то и дело навещавшие наших соседей. Главным образом то были не слишком молодые хорошо одетые мужчины, подкатывавшие к соседским воротам на одной, а то и на двух дорогих импортных машинах. И тотчас с противоположной стороны улицы летел к нам хор мужских голосов, исполняющих народные песни, и дразнящий запах шашлыков. Невольно бросалось в глаза при этом отсутствие в доме главы семьи. Трактор Виктора во время этих шумных сборищ все еще катался вдоль и поперек окрестных полей.

Однако, надо признаться, что и к нам тоже время от времени заходили или наезжали друзья или родственники, и тогда мы, собравшись на террасе, пели под гитару про «клен ты мой опавший» или что-нибудь из Окуджавы.

Примерно такой была наша жизнь в деревне вплоть до прошлого года. Потому что именно тогда случились все те неожиданные и трагические события, нарушившие наше безмятежное деревенское житье.

Едва в середине мая наша тяжело груженная машина, съехав с грунтовки, подкатила к запертым воротам, как с другой стороны улицы к нам метнулась Зинаида. Торопливо поздоровавшись, она попросила выйти к ней «на минутку» Алексея. Надо заметить, что к моему зятю, человеку добродушному и отзывчивому, в деревне относились как к «своему» и охотно общались с ним. Загнав машину на участок, Алеша перенес в дом наиболее тяжелые вещи и вышел за ворота к Зинаиде. Мы видели, как что-то взволнованно говорит ему соседка, а он в ответ сокрушенно качает головой.

За это время мы успели все перенести в дом и занимались разбором вещей, когда Алеша поднялся по ступеням.

– Беда у Зинаиды, – мрачно объявил он с порога, – Витька ее бросил. Нашел, говорит она, в городе молодую девку и живет теперь у нее...

Мы все дружно ахнули. Чтобы этот нелюдимый молчаливый парень отколол вдруг такое!

Подруга моей дочери, снимающая здесь, в деревне, дачу, сердито крикнула:

– Вот! Все они, мужики, такие, все до одного! Чего ему, балбесу долговязому, еще надо? Зинка такая симпатичная баба!

Мы все хором поддержали ее. Конечно же, тракторист ее не стоил!

Наше негодование по поводу недостойного поступка соседа звучало теперь целым хором. Пока наконец в этот хор диссонансом не влился резкий мальчишеский дискант.

– Чего вы Зинку-то жалеете? – спросили нас из-за распахнутой двери в кухню, – когда она своо Витьку в тюрягу засадила...

Там, в кухне, моя внучка поила чаем своего деревенского приятеля Пашку.

На террасе нашей в одно мгновение воцарилась мертвая тишина. Мы лишь с изумлением поглядывали друг на друга, не зная, как отнестись к нелепым словам мальчишки.

Наконец подруга дочери, не выдержав, закричала:

– Пашка!!! Ну что ты там несешь, дуралей ты эдакий! Что ты мелешь? Наслушался в деревне бабьих сплетен и теперь их повторяешь, как попугай. Как тебе только не стыдно!

Белобрысый Пашка наконец появился из кухни. Его круглое, усыпанное веснушками лицо пылало от обиды.

– И ничего не сплетни! – сердито крикнул он, – и ничего я не несу! Сам зимой видел, как менты Витьку в газик с решетками запихивали. Зинка им велела. Она всех мужиков в тюрягу сажает...

От дикого Пашкиного вранья у меня голова пошла кругом. Но пока мы приходили в себя, дети успели сесть на свои «велики» и укатили на другой конец деревни.

Поглядев им вслед, подруга дочери с горечью в голосе сказала:

– Так я и знала... Давно знала, что вся эта деревня сплетнями, как паутиной, опутана. Чего они только не несут друг про друга! И про нас, городских, тоже, не беспокойтесь, самые нелепые слухи распускают. Зимой им тут делать нечего, вот они и чешут языки про тех и про других. И все – от зависти, все им чего-то не хватает... Я бы этому Пашке, если бы он не смылся вовремя, просто бы уши надрала. Чтобы не повторял всякие небылицы, которые его бабка Марфа от скуки придумывает...

– Я, пожалуй, схожу к тете Наташе за молоком, – сказала я, прервав монолог нашей гостьи.

На самом деле проверить и установить истинность сказанных здесь, на террасе, слов можно было только одним способом: пройтись по деревне и поговорить с моими деревенскими знакомыми. При этом самым надежным источником информации я считала свою приятельницу Тоню, вполне полагаясь на ее здравый смысл и нелюбовь к сплетням.

Я переделалась в сарафан, натянула на ноги растоптанные босоножки и, прихватив бидон для молока, вышла за калитку. И сразу же забыла о том, что я в данный момент являюсь кем-то вроде разведчика, выполняющего ответственное задание.

До чего же сейчас, в самом начале лета, хороша была наша деревня! Молодая яркая трава густой щетинкой покрыла всю ширину улицы, оставив нетронутым лишь серый прочерк дороги. А над дорогой в картинных позах, словно на полотнах старых мастеров, стояли, склонившись тут и там, столетние ивы.

Глубокие морщины на их серых стволах, причудливый изгиб веток и трепетание узких легких листьев и в самом деле делали эти деревья необычайно живописными. Сделав еще несколько шагов по дороге, я наткнулась на заброшенный сруб колодца, темные бревна которого покрывала прозелень плесени. Пройдет какой-нибудь месяц, и старый колодец будет густо оплетен полевыми цветами. Ветер будет раскачивать над ним синие колокольчики и бледно-розовые чашечки повилки. А я, проходя мимо этого места, буду каждый раз останавливаться и бормотать строки Блока:

Мой любимый, мой князь, мой жених,
Ты скучаешь в цветистом лугу.
Повиликой средь нив золотых
Заплелась я на том берегу.

От старого замшелого колодца деревенская дорога начинает понемногу катиться под гору, и отсюда еще издали я различаю стоящую перед распахнутыми воротами своего хлева Антонину Васильевну. Я мгновенно ускоряю шаги, и пустой бидон в моей руке позванивает сейчас, как колокольчик. Держа в руке здоровую дубину, Тоня пытается загнать в хлев небольшое стадо истощно блеющих овец. Завидя меня, она отставляет в сторону кол, поправляет косынку на голове и бесстрастно констатирует:

– Приехали, значит...

Потом, покосившись на мой бидон, добавляет:

– Видно, ты к Наталье за молоком собралась. А сметану не хочешь взять у меня? К вечеру и творог, и сметана поспеет...

– Конечно, возьму! – обрадовалась я, – у тебя же сметана – первый сорт...

И уже собираясь идти дальше, спросила:

– А как ты, Тоня, здорова?

– А чего мне делается-то? – удивилась она, – мне ведь болеть некогда! Это еще зимой я могу прихворнуть малость, а теперь уже не до болезней, сама видишь... Ну, заходи под вечер...

– Обязательно зайду. Мне с тобой еще об одной вещи поговорить надо...

– Это об чем же? – поинтересовалась она.

– Да хотела тебя поспрашивать о соседке моей, о Зинаиде...

Тонино добродушное лицо в один миг вдруг изменилось, отвердело. Темные ее насмешливые глаза сделались злыми, по щекам хлестнуло румянцем гнева. Отвернувшись от меня, она огрела колом самого крупного из баранов, норовившего из-под ее руки проскочить обратно на улицу. Когда же животное все-таки было водворено в хлев, Тоня, полуобернувшись ко мне, бросила злым голосом:

– Об этой стерве я и говорить не стану!

И вдруг, словно спохватившись, в тревоге повернулась ко мне:

– Да никак ты дружбу с нею завела?

И не дав мне даже ответить, с гневом бросила:

– Прежде чем у людей про нее выспрашивать, ты бы глаза свои протерла! Вот скажи: видала ты хоть раз, чтоб к ней кто из наших, из деревенских, ходил? Хоть мужик, хоть баба...

– Нет, – растерявшись, отвечала я, – деревенских я у них не видела...

– И не увидишь! – твердо сказала Тоня. – А теперь своей головой подумай, почему это люди тот дом, как заразу какую, обходят. Подумай, а потом уж и спрашивай!

И сердитая, с выбившимися из-под косынки волосами и покрасневшимся лицом, она исчезла в темноте хлева.

Я же, порядком расстроенная ее гневными словами, поплелась дальше, к дому нашей молочницы тети Наташи.

Дом ее, с покосившимися воротами, с облупленной краской наличников, сильно отличался от ладного, крепкого, как гриб-боровичок, дома Антонины Васильевны. Калитка, в которую мне надо было пройти, висела на одном гвозде, и по этой причине открыла я ее не без труда. Пройдя по дорожке, усыпанной картофельными очистками, я по шатким ступеням поднялась к дверям терраски, откуда на меня пахло тяжелым спертым воздухом.

Тетя Наташа, углядевшая, как видно, меня из окна, вышла мне навстречу из темных сеней. Из толстого шерстяного платка, обхватившего ее голову, виднелось худое, с нездоровой желтизной лицо.

– Здравствуйте, тетя Наташа! – приветствовала я ее, – как вы себя чувствуете?

В ответ она лишь безнадежно махнула рукой, взяла из моих рук бидон и исчезла в потемках сеней. Когда она наконец снова появилась на терраске и протянула мне теплый от парного молока бидон, я, не удержавшись, спросила:

– А вы не слышали, тетя Наташа, что от нашей соседки, от Зинаиды, муж ушел?

Она подняла на меня бесцветные, сонные какие-то глаза и едва слышно сказала:

– Один ушел, так другой пришел...

Тетя Наташа уже исчезла в глубине дома, а я все еще стояла неподвижно, пытаюсь понять смысл сказанных странных слов. А может быть, никакого смысла в них не было вовсе? Случайная, невпопад слетевшая с губ этой болезненной жен-

щины фразы. И в тот момент, быть может, думала она вовсе не обо мне и не о том, о чем я ее спросила...

С тяжелым бидоном в руке я опять поплелась по улице, теперь уже в обратном направлении. До моего собственного дома оставалось всего несколько метров, когда меня вдруг окликнули из окна избы, мимо которой я шла. Я подняла голову, заглянула через низкий забор. Из окна с яркими голубыми наличниками мне зазывно махала пухлая женская рука.

– Заходите, заходите! – зазывала меня к себе Ольга Викторовна, с которой у нас давно сложились дружеские отношения. Она не была коренной местной жительницей – приехав в деревню, много лет назад, чтобы учительствовать в здешней школе, Ольга Викторовна купила здесь дом и обзавелась хозяйством. Теперь она была владелицей коровы, поросенка, завела кур, разбила за домом большой огород. К тому же время от времени она сдавала кому-нибудь комнату, а на лето угол у нее снимал наш пастух. Энергии ее, как мне казалось, хватило бы на несколько человек.

Я толкнула калитку, прошла по дорожке, обсаженной с двух сторон яркими цветами, и свернула вправо, к террасе, откуда доносилось звонкое постукивание топора. «Как видно, хозяйка начала терраску ремонтировать, – подумала я, – давно пора!»

И в самом деле, завернув за угол дома, я увидела на ветхой террасе двух молодых рабочих. Обнаженные по пояс, успевшие загореть до черноты, они забивали гвозди в новые перила.

Мое внимание сразу привлек один из плотников – высокий красивый парень, тело которого было сплошь расписано затейливой татуировкой. На груди его распластался с раскинутыми крыльями орел, что-то держащий в когтях, а на правом мускулистом плече чернела зловещая цифра «666».

Я поздоровалась с рабочими и, обойдя их, попала в узкий коридорчик, ведущий к кухне. В дальнем его конце из-за приоткрытой двери улыбалась мне пышноволосяя, круглолицая хозяйка.

– Сюда, сюда проходите! – манила она меня, широко улыбаясь.

Небольшая кухонька была пропитана запахами скисающего молока, заставлена всех размеров стеклянной посудой. Из подвешенного к углу печи марлевого мешка с творогом текла струйкой мутная жидкость и с плеском падала в таз.

Смахнув что-то с табуретки, Ольга Викторовне предложила мне сесть. Сама она уселась по другую сторону застеленного клеенкой стола.

– Я видела, видела, как вы сегодня заезжали. И вот что еще: я же знаю, что вам в дом работники нужны. Рамы там чинить, или еще что... Вот и возьмите моих-то ребят! Видели, как они терраску у меня подновляют? Они все умеют, за любую работу с охотой возьмутся и денег просят немного, так вы уж воспользуйтесь...

– А откуда же они тут взялись? – удивилась я, – что-то я этих парней в нашей деревне не встречала...

Ольга Викторовна проворно поднялась со стула и, подойдя к двери, прикрыла ее поплотнее. Потом, повернувшись ко мне и понизив голос, сказала:

– Да они оба из тюрьмы только вернулись. Срока свои отбыли. А так они местные ребята. Тот, что повыше, с татуировкой, – он ведь сын Софьи, ну, которая сторожихой в известинском поселке работает, вы, вроде, там жили раньше, должны ее знать.

– Тети Сони? – удивилась я – А я-то всегда думала, что она одинокая, вечно со своей собачкой на дежурство выходила...

– Была одинокой, пока сын срок отбывал. У них ведь на выселках комнатуха, так вдвоем им тесно. Соня и попросила меня Павлу комнату на лето сдать, а там видно будет...

– А за что же он сидел? – поинтересовалась я.

Ольга Викторовна пренебрежительно махнула рукой:

– Да, можно сказать, ни за что! Связался с бабой поганой, она его и засадила, с солдатом каким-то застал ее, ну и, конечно, нахлестал ей морду. А она в милицию побежала...

– А что за жена у него была? Местная какая-нибудь?

– А вы не знаете? – удивилась моя собеседница, – да Зинка, что против вас живет, вот кто! Ну и поганая баба, скажу вам!

– Подождите, – растерялась я, – но у Зинаиды нашей совсем другой муж был. Виктор, тракторист...

– Ну и что? – невозмутимо отозвалась она, – у этой Зинки, если посчитать, таких мужей с десятков наберется. До Павла, помню, у нее в мужьях Толик был махринский, только он от туберкулеза в тюрьме умер.

– Господи! – изумилась я, – а этот-то почему в тюрьме оказался?

– Пил он сильно. Зинке надоело это, так она его быстро за решетку спровадила... А когда стало известно, что в тюрьме он умер, брата Толика Зинкин дом сожгли. Да только ей все нипочем. Очередной хахаль явился и дом ей заново отстроил... И тракториста этого, о котором вы сказали, она тоже нынешней зимой посадила. Не знаю уж, что у них там вышло и какой срок ему дали. Говорю вам: паршивая она баба и опасная. Я чего сейчас боюсь: начнет она снова Павла подманивать, быть тогда беде! Совсем пропадет парень!

– Вот это да! – растерянно воскликнула я, – мне и в голову ничего такого не могло прийти. Такая на вид симпатичная, спокойная женщина...

– Вот именно, что «на вид»! – подхватила моя собеседница. – Сарафан напялит, плечики свои выставит, губы бантиком – все мужики и летят, как мухи на мед... Только вот не знают, что мед-то этот – с отравой...

– Но подождите, Ольга Викторовна, как же это ей удастся людей за решетку сажать? Кто она такая? Может, она сама в органах работает?

Ольга Викторовна брезгливо фыркнула:

– Вот именно, что работает! Не догадываетесь, кем? Подстилкой для этих органов – вот кем! Да разве не замечали, как к ней то и дело чины большие из области подкатывают? Что ни день приезжают. Она их всех и ублажает. А потом уже с просьбами к своим любовникам обращается: того посадить да другого...

Когда в тот день я вернулась домой, мои домашние засыпали меня вопросами:

– Почему ты так долго ходила за молоком? Почему ты такая мрачная? Ты ничего не узнала про соседского Виктора?

На террасе рядом с взрослыми в тот момент играли дети, и потому, отложив до другого раза почти фантастический рассказ о проделках нашей соседки, я лишь рассказала о том, что в доме Ольги Викторовны работают отличные мастера, которые могут делать все.

– Пускай они нам телик починят! – закричала моя внучка, – а то он только одну первую программу показывает. Да и то ничего не видно...

– А смогут эти твои умельцы нам телевизионную антенну наладить? – с недоверием спросила дочь.

– Наверное, смогут. Зайду сегодня опять к Зинаиде Викторовне и спрошу, они у нее терраску чинят.

– Давно пора! – мрачно заявила дочь, – туда и войти-то было страшно, того и гляди крыша на голову упадет...

Утром следующего дня в нашу калитку, широко ее распахнув, вошел Павел и поверг своим живописным видом все мою семью в состояние некоторого шока. Явно довольный произведенным им на окружающих впечатлением, Павел вытянул из кармана ножик с длинным узким лезвием.

– Ну, хозяева! Показывайте, где у вас тут антенна барахлит.

Алеша повел его на второй этаж, в мастерскую, показывать телевизионную антенну. За ее налаживание брался уже не один местный умелец, но из этого не выходило ровным счетом ничего.

Прошло каких-нибудь полчаса, и внезапно внизу, в большой комнате, где стоял у нас телевизор, раздались сначала оглушающие переливы оперной дивы, сменившиеся внезапно револьверной стрельбой, а потом четким голосом диктора, говорящего почему-то по-французски. Еще через минуту на крыльцо выскочила возбужденная до крайности Анастасия и восторженно закричала:

– Работает!!! Каналов десять теперь берет! У нас и в Москве такого нет!

Мы бросились благодарить мастера, вручили ему на радостях две сотни.

На что он, пожав своими расписными плечами, сказал:

– Много даете, хозяева! За такую-то пустяковую работу!

Мы сразу догадались, что за время своего пребывания в заключении Павел отстал от жизни и не имеет понятия о такой вещи, как инфляция.

С того дня Павел стал часто попадаться мне на улице. По деревне он теперь ходил, повязав низко на лоб голубую косыночку, это в сочетании с его мужественным загорелым лицом делало парня похожим на стивенсоновского пирата. Романтический облик портили только женские домашние тапочки с красными помпонами на его ногах.

– Как дела, Павел? – спросила я его однажды при встрече.

– Во! – выставил он в ответ передо мной отогнутый большой палец с темным ногтем, – лес англичанам продаем!

– Да откуда же здесь у нас англичане взялись? – опешила я.

– Нашелся один... – загадочно отвечал он.

– А лес откуда?

– Да вон же лес! – протянул Павел руку к горизонту, – кругом нас стоит. Бери сколько хочешь! Кто его сейчас охраняет?

– Вы хоть нам его немного оставьте! – попросила я и пошла своей дорогой.

Еще через несколько дней я столкнулась с Павлом возле своего любимого колодца. Теперь уже он весь был обвит плетями разросшейся повилики так, что трухлявых бревен сруба за ними не было видно.

– Посмотрите, как красиво! – показала я на заросший колодец. Павел повернул голову, недоуменно пожал плечами.

– А чего красивого-то? Сорняков куча... А я, – заулыбался он, – к Зинаиде иду... На обед меня пригласила!

Это известие сразу же заставило меня вспомнить мрачное предсказание Ольги Викторовны. Выходит, Зинаида и в самом деле начала Павла, по словам соседки, «подманивать».

Но я только сказала: – Неплохо, вижу, вы устроились, Павел. Завтракаете у одной хозяйки, обедать ходите к другой...

Павел засмеялся.

– А чего ж не пойти, когда зовут?

И весело улыбаясь, он пошел своей дорогой. То есть напрямик к дому коварной Зинаиды. А я, глядя ему вслед, вспоминала другие слова той же Ольги Викторовны. Она сказала тогда вот что: «Быть беде»...

Стояли уже прохладные осенние дни, когда мы начали собираться обратно в город. Поля за деревней оштетинились рыжей стерней, лиственный лес за шоссе-кой терял свои последние красно-желтые листья, уцелевшая от покосов трава по утрам становилась сизой от холода. И только сосновый бор за полями, как всегда, выглядел свежим и ярким.

В день нашего отъезда в город над скошенным полем носились и оглушительно кричали вороны. И этот их крик почему-то заставил сжаться мое сердце, словно

покидая деревню, мы оставляли здесь ту беду, о которой так уверенно пророчествовала моя говорливая соседка...

Беда эта случилась уже тогда, когда мир залили дожди поздней осени, и при не включенном еще центральном отоплении мы с грустью вздыхали, вспоминая нашу безотказно горячую деревенскую печь.

Однажды, уже в начале ноября, меня спозаранку разбудил длинный телефонный звонок. Подняв трубку, я сразу же узнала знакомый и, как мне показалось, плачущий голос нашей деревенской соседки Ольги Викторовны.

– Что случилось, Ольга Викторовна? – спросила я нетвердым от страха голосом, ибо подумала, что беда могла случиться с нашим оставленным в деревне без присмотра домом. Но она, плача и причитая, рассказала о трагедии, произошедшей с теми, кто так или иначе был связан с нашей местной «леди Макбет».

Под осень Павел окончательно перебрался к Зинаиде, и они снова жили как муж с женой. Но однажды, вернувшись откуда-то домой, он застал свою «супругу» лежащей вместе с тщедушным подростком, невезучим Сашкой-изобретателем, которого за его сиротство и бедность жалела вся деревня. Не раздумывая ни мгновения, Павел метнул в обидчика нож – скорее всего тот самый, с которым он чинил нам антенну. Бедного Сашку на «скорой» отвезли в город в больницу, где он и умер на операционном столе. А вскоре после этого дом Зинаиды запылал, подожженный со всех четырех углов. Кто его поджег – так и осталось неизвестным. То ли это кто-то из деревенских отомстил за погибшего Сашку, то ли это сделал от отчаянья сам Павел, за несколько минут до того, как его схватили милиционеры.

– А ведь он так тюрьмы боялся! – сквозь слезы проговорила сердобольная Ольга Викторовна...

Ранней весной следующего года я приехала в деревню, чтобы осмотреть свои посадки. Спустившись с высокой насыпи грунтовой дороги, я сделала несколько шагов по улице и вдруг остановилась как вкопанная. Справа от меня, в том месте, где стоял дом Зинаиды, лежало теперь пустое, выжженное дотла пространство. Черные обгоревшие стволы деревьев торчали из земли, покрытой влажными серыми клочьями пепла. И казалось, что теперь уже ничего никогда не сможет взойти на этой страшной, обгоревшей и политой человеческой кровью земле. Но через минуту перед моим мысленным взором возникла бойкая белотелая бабенка с блудливой улыбкой на пухлых губах и ускользящим взором. Что-то вроде местного Феникса, каждый раз возрождающегося из пламени для новой греховной жизни...

СМЕРТЬ ЧИНОВНИКА

Сердце Василия Васильевича Прошина перестало биться на рассвете холодного мартовского дня. Случилось это ровно за минуту до звонка будильника, призывавшего усопшего приступить к трудовой деятельности. И как это ни удивительно, но мелодичная трель, разорвавшая тишину спальни, проникла в гаснущее сознание распростертого на кровати Прошина. В то же самое мгновение он осознал и другое: наступал не обычный будничного дня, но день дерзновений и свершений. Проще говоря, именно на сегодня была назначена ответственная экономическая конференция, на которой, по слухам, могли присутствовать и представители верхних эшелонов власти. И более того: в качестве одного из докладчиков должен был выступить и сам Василий Васильевич Прошин. Текст его доклада, перепечатанный на компьютере секретаршей, лежал сейчас в кабинете, запертый в кожаный портфель.

– Ах ты, мать твою!!! – с трудом шевеля онемевшими губами, прошептал Василий Васильевич и попытался переменить свое лежачее положение на сидячее. Сделать это оказалось чрезвычайно трудно, ибо неведомая сила упорно тянула Прошина куда-то вверх. Однако, ухватившись одной рукой за спинку кровати и отталкиваясь другой, он все-таки через некоторое время ухитрился приподняться и сесть. И кроме того: нашарив рядом на стуле халат, он сумел набросить его себе на плечи.

Несколько минут после этого, все еще не отпуская спинку кровати, Василий Васильевич сидел неподвижно, обдумывая свое очень не простое положение. Наконец в его сильно звеневшей и как бы опустошенной голове мелькнуло некое подобие мысли, заставившее Прошина потянуться к прикроватной тумбочке и нажать вмонтированную в нее кнопку звонка.

Тотчас вслед за этим высокая дверь в спальню приотворилась, и в бледном свете раннего утра возникла субтильная фигура домоправительницы Алевтины.

– Доброе утро, Василий Васильевич! – бодрым шепотом приветствовала она хозяина, косясь при этом на соседнюю кровать, где мертвецким сном, булькая и похрапывая, спала его супруга.

– Алевтина Викторовна! – слабым голосом заговорил Прошин, – у меня к вам будет просьба: найдите поскорее в шкафу в передней такие здоровые с металлом на подошвах ботинки. Ну, которые мне в прошлом году америкашки подарили...

Невероятно тяжелые эти ботинки он, разумеется, ни разу еще не обувал. Однако именно сейчас, когда он как бы перестал быть хозяином собственного тела, они могли бы очень пригодиться.

Пока Алевтина разыскивала нужный ему предмет одежды, Василий Васильевич при слабом свете ночника натянул на босые ноги носки, а потом не без труда влез и в брюки. Некоторое время после этого он сидел совершенно неподвижно, отдыхая от тяжелой работы.

Тем временем в дверь опять деликатно постучали и, согнувшись под тяжестью заморской обуви, в спальне снова возникла Алевтина. Поставив на коврик у кровати два гигантских толстокожих ботинка, она со вздохом облегчения выпрямилась.

– Завтрак уже готов, Василь Василевич...

Едва Алевтина скрылась за дверью, как Прошин сразу же сделал попытку сунуть ноги в зияющие жерла ботинок. Когда это ему наконец удалось, Василий Васильевич тотчас же почувствовал, что положение его кардинальным образом изменилось. Неумолимая сила, недавно волочившая его неведомо куда, теперь отступила перед мастерством техасских обувщиков. Но одновременно он теперь чувствовал и другое: ему казалось, что к его ногам подвесили по пудовой гире.

Василий Васильевич отнял наконец затекшую руку от спинки кровати и, убедившись в том, что положение его упрочилось, сбросил халат, натянул на свое, непривычно жесткое сейчас, тело сначала майку, потом отглаженную белую рубашку и, оттолкнувшись от кровати, встал наконец на ноги.

Не очень уверенно – как ребенок, делающий свои первые шаги, – он двинулся к двери, растворил ее и прошел в ванную комнату. Умываясь, он старался отворачиваться от зеркала, в котором отражалась его сильно изменившаяся за ночь физиономия. После водной процедуры ему оставалось только повязать галстук и натянуть новый с иголки пиджак.

Но оказавшись в столовой, Василий Васильевич при одном взгляде на дымящуюся в тарелке овсяную кашу, еще вчера любимую им, вдруг почувствовал необоримое отвращение к еде.

– Не успеваю! – соврал он, не глядя на Алевтину, застывшую у стола с кофейником в руках, – в офисе перекушу...

Он повернулся и двинулся к кабинету, чтобы забрать там портфель с докладом. В передней на вешалке Василий Васильевич прихватил плащ с теплой подстежкой и вышел на площадку к лифту.

Едва он ступил на тротуар, как сырой ветер с размаху швырнул ему в лицо горсть холодных капель, но Прошин так ничего и не почувствовал. Он подошел к своей притулившейся возле тротуара машине. На переднем сиденье шофер Иван был погружен в чтение газеты «Аргументы и факты». Василий Васильевич приоткрыл заднюю дверцу, бросил сначала тяжелый портфель, а затем влез и сам. Иван сложил газету, добродушно поинтересовавшись:

– А чего не спереди?

Не получив ответа, он повернул голову, всмотрелся в бледное безжизненное лицо своего работодателя и констатировал:

– Хреново выглядите, Васильвасильч. Грипп, что ли, где схватили? Можно сказать, краше в гроб кладут...

В ответ на это Прошин лишь вяло махнул рукой и велел ехать побыстрее. Не дай бог опоздать сегодня...

Он и не опоздал. К величественному зданию на углу площади, окруженному вазонами с елками и толпой молодых охранников, одна за другой подъезжали дорогие машины. Его водитель еще издали углядел место, куда припарковаться, и причалил туда, опередив других.

Войдя в вестибюль, Василий Васильевич попытался взять себя в руки и пересечь холл твердой чекистской походкой. Однако ляг подбитых стальными подковами ботинок по мраморному полу сразу же привлек к Прошину излишнее внимание окружающих. Более того, кое-какие его знакомые, также спешащие на конференцию, не преминули обратиться к нему с вопросом о здоровье. Но на все участливые расспросы он отвечал односложно: перенес гриппозную инфекцию.

Так, в толпе похожих на него самого манерой одеваться и разговаривать людей, Василий Васильевич поднялся по широкой лестнице в зал и занял место в первых рядах. Впереди, на сцене, стоял длинный стол под зеленым сукном, уставленный бутылками с газировкой. Вдоль стола ходила пышнотелая светловолосая секретарша и раскладывала блокноты для записей.

Наконец члены президиума заняли свои места, Председатель произнес короткую вступительную речь, и первый докладчик подошел к трибуне. Но и его, и следующего за этим оратора Прошин слушал, что называется, вполуха. Все его внимание было приковано к ботинкам: надолго ли они смогут удержать его здесь? Не случится ли на глазах столь уважаемой публики нечто непоправимое, когда карьера его будет полностью загублена...

Тем временем очередной докладчик захлопнул свою папку и спустился в зал. Председатель, переждав жидкие аплодисменты зала, назвал его фамилию. Василий Васильевич мгновенно приподнялся, выхватил из портфеля аккуратно сложенные листочки и, держа их перед собой в обеих руках, поднялся к кафедре.

Тема его доклада касалась экономических взаимоотношений с рядом бывших южных республик СССР, население которых Василий Васильевич наедине с собой или в кругу близких приятелей называл не иначе как «черножопые».

Утвердившись на трибуне, Прошин уложил справа от себя всю пачку исписанной бумаги, взял в руки первую страничку и начал ее зачитывать. Однако дальше этой первой страницы дело не пошло. Ибо как раз в этот момент в зале, где заседала высокая конференция, произошло неожиданное ЧП.

Мимо осоловевших от докладов охранников по мягкой ковровой дорожке, мимо рядов столь же осоловелых слушателей вдруг промчался, словно ворвавшийся с улицы порыв ветра, вихрастый паренек в распахнутой джинсовой куртке, на правом рукаве которой отчетливо видны были три буквы: «НБП». Совсем немного не добежав до сцены, парень размахнулся и метнул в стоящего на трибуне Василия Васильевича что-то тугое, круглое, красное. На новом пиджаке докладчика вдруг расплылось большое, как бы кровавое пятно из помидорного сока, а сам он рухнул навзничь, мгновенно исчезнув из поля зрения потрясенных слушателей.

Опомнившиеся охранники уже навалились толпой на молодого террориста, заломили ему за спину руки, тащили его вон из зала.

Меж тем вокруг поверженного Василия Васильевича толпились члены президиума. Они пытались ослабить узел его галстука, брызгали на него минералкой, однако упавший все еще никак не приходил в себя. Пышнотелая секретарша, не без труда присев на корточки, попыталась прощупать его пульс. Но едва дотронувшись до ледяной руки Прошина, охваченная ужасом, она прокричала срывающимся голосом:

– Он же мертвый!!! Его убили! Его уже нет с нами!!!

Охранники, застрявшие в дверях вместе с сопротивляющимся террористом, услышав ее крик, не скрывая злорадства, дали еще тумака злосчастному лимонцову, проговорив:

– Ну, сучонок, угробил человека! Теперь тебе не иначе как пожизненная светит...

Между тем Василия Васильевича и в самом деле уже с ними не было. Легкий, невесомый, он парил, невидимый для всех, под потолком, то и дело натываясь на изгибы пышной лепнины с ангелочками и рогом изобилия. Происходившее его чрезвычайно забавляло. Единственное, что не нравилось Прошину в раскинувшейся внизу панораме, это чересчур зауженные рукава его собственного нового пиджака. Отсюда, сверху, эта деталь его костюма просматривалась особенно хорошо.

– Вот сволочь портной! – сердился он, – говорил же ему, что шире надо рукава кроить!

Председатель президиума, бледный от волнения, севшим голосом взывал:

– Скорую!!! Вызывайте же, ради бога, скорую!

– Уже, уже, Николай Николаевич! – кинулась к нему секретарша, – вызвала! В нашу поликлинику звонила. Они уже едут...

И в самом деле, скоро в распахнутых дверях зала появилась группа людей, облаченных в белые халаты. Впереди один за другим шли по проходу два врача. Один с седой бородкой, которая делала его похожим на профессора, второй помоложе с короткой модной стрижкой. За ними следом шагали два санитары со свернутыми носилками в руках.

– Посторонитесь! Пропустите!

Остановившись возле лесенки, ведущей на сцену, доктор с бородкой громко обратил к столпившимся вокруг кафедры членам президиума:

– Где же наш больной?

Ему тотчас же отвечали, что больной лежит здесь, на сцене, за трибуной.

Оба доктора один за другим поднялись по ступенькам на сцену, в то время как санитары, поставив на попу носилки, остались ждать внизу. Председатель президиума, кратко представившись медикам, стал объяснять суть случившегося инцидента.

– Докладчик, – сказал он, – только начал зачитывать свой текст, как вдруг потерял сознание...

Жестом руки доктор остановил его монолог и велел немедленно очистить от людей сцену, разрешив остаться здесь одному лишь Председателю. После этого оба доктора склонились над неподвижно лежащим на полу больным. Молодой доктор, вытянув из нагрудного кармана стетоскоп, приставил его к сильно затвердевшей груди Василия Васильевича. Старший врач, завернув рукав рубашки, с интересом изучал состояние его кожного покрова. Затем, одарив друг друга многозначительными взглядами, врачи попытались согнуть в локтях руки пострадавшего, обтянутые узковатыми рукавами пиджака. Последнее, что они сделали, это перевернули тело на живот и задрали на спине подол белой рубашки.

После этого старший врач выпрямился и бросил на Председателя, напряженно наблюдающего за их действиями, полный иронии взгляд.

– Как вы говорите? Этот человек читал вам здесь доклад?

– Конечно! – поспешно отвечал Председатель, – но успел ознакомить нас лишь с несколькими тезисами. Поскольку в зал ворвался распоясавшийся лимонowieц, который швырнул в него помидор. После этого он сразу упал и потерял сознание. Скажите, он убит или ранен?

– Не порите чушь! – сердито крикнул доктор, – во-первых, убить помидором никого нельзя. А во-вторых, этот человек не мог читать здесь никакого доклада. Поскольку он мертв уже не менее пяти часов. Очевидно, что скончался он где-то на рассвете...

– Что? – выкрикнул заметно побелевший Председатель, – но тут все присутствующие видели его на трибуне и слышали его выступление...

– Подойдите-ка сюда, – позвал его врач, – посмотрите на его спину. Вы видите эти чернильные кляксы на его теле? Это называется трупные пятна. Они появляются на теле спустя три-четыре часа после смерти. Так что остается предположить, что доклад вам здесь зачитывал покойник, не иначе...

Еще более побледневший Председатель поспешно попятился назад от бездыханного тела своего сотрудника, а зал, жадно ловивший каждое слово врача, издал в этот момент долгий протяжный, прокатившийся по рядам звук. Не то стон, не то вопль...

В то время как сам Василий Васильевич, болтающийся под потолком, словно выпущенный кем-то из рук воздушный шарик, веселился необыкновенно. Он был бы не прочь еще долго оставаться зрителем столь яркого, захватывающего спектакля... Однако этого у него не получилось. Внезапным мощным рывком его сдернули с места и поволокли куда-то вверх, словно вздетую на крюк неживую коровью тушу...